

ОДЕССКИЙ ТРАНЗИТ 1945 ГОДА (репатриация французских военнопленных из СССР)

Никогда за свою историю Одесса не видела на своих улицах так много иностранцев, как весной 1945 года. Еще в центре Европы продолжалась жестокая битва, а здесь, в полуразрушенном и разоренном городе, тысячи людей с изможденными, но радостными лицами, одетые в потрепанные мундиры разных армий, готовились к возвращению на родину. Веселого настроения от скорой встречи с родными и близкими им добавляли зеленеющие бульвары, яркое весеннее солнце, теплое южное море. Позади остались страшное нацистское рабство, советские пересыльные лагеря.

Местным жителям казалось, что город превратился в новый Вавилон – такое собралось разнообразие лиц, одежд и языков. Здесь были дети многих народов Европы и Северной Америки: англичане и французы, американцы и канадцы, бельгийцы и голландцы (всего представители 29 наций), а также немцы, итальянцы и румыны. Эти последние, однако, олицетворяя собой враждебные силы, были изолированы от остальных, по улицам ходили колоннами под строгим конвоем со сторожевыми собаками. С приходом в порт огромных транспортных судов появилась и третья категория людей, похожих на иностранцев, – это были репатрианты: советские военнопленные, освобожденные союзниками; добровольцы вермахта, взятые в плен англо-американцами и насильно возвращаемые в СССР; русские эмигранты первой волны, охваченные патриотическим энтузиазмом и решившие вернуться домой. Наконец, заметно выделялись в толпе многодетные семьи реэмигрантов армянского происхождения. Встречали новых советских граждан с цветами, на митингах говорили красивые речи, затем строем, уже без оркестра, отводили в фильтрационный лагерь на окраине города.

Одесский транзит или, в переносном смысле, «великое переселение народов» через морские ворота страны, продолжался недолго – всего четыре месяца (март-июнь). Уже во второй половине года английские корабли перестали появляться в одесском порту. И хотя репатриация иностранных граждан продолжалась, она резко сократилась количественно и скрылась с глаз местных жителей. Вскоре одесситы, занятые тяжелой ежедневной борьбой за существование, забыли об иностранцах, историки же предали этот сюжет полному забвению. Только в 1994 г. газета «Известия», опубликовав сенсационную статью, напомнила о славной и одновременно горькой странице в истории города, когда он для многих тысяч людей стал транзитом в лучший мир, а для других – воротами в царство страха и лагерей.

Вызвавшая большой общественный интерес, в том числе в Одессе, статья парижского корреспондента, носила название «Французы в ГУЛАГе», а в резюме были выделены такие слова: «Их было 30 тысяч, из которых примерно треть погибла» [1]. При внимательном чтении этого материала приходишь к выводу, что автор не знает точного значения слова ГУЛАГ (Главное управление исправительно-трудовых лагерей) и принимает его расширительно, как синоним всей тюремно-лагерной системы советского тоталитаризма. Речь в статье, собственно говоря, идет о французах, в годы Второй мировой войны попавших в руки меньшего брата ГУЛАГа из того же ведомства НКВД/МВД по

имени ГУПВИ (Главное управление по делам военнопленных и интернированных). ГУПВИ и моложе по возрасту (создан 19 сентября 1939 г.), и пропустил через свои лагеря, рабочие батальоны, тюрьмы и лазареты намного меньше людей: «прелести» ГУЛАГа познали до 10 миллионов узников, а через ГУПВИ прошли 4 миллиона пленных и около 300 тыс. интернированных.

Ошибка известинского журналиста простительна, так как ГУПВИ, в отличие от своего старшего брата, не знаком как отечественной, так и зарубежной общественности. Правда, о таких его контингентах, как поляки (первые узники по времени), немцы и японцы вышло довольно много публикаций на их родине. Однако до последнего времени совсем мало известно о французах, которых, казалось бы, там и не должно было быть, ведь Франция в годы войны являлась союзницей СССР.

Пришлось ждать еще несколько лет, прежде чем открылись архивы и были опубликованы сборники документов «Военнопленные в СССР», «Россия и СССР в войнах XX века» и «Возвращение из СССР» (на французском языке), которые позволили внести ясность в загадочный феномен пребывания союзных военнопленных, в том числе французов, в советских лагерях [2; 3; 4]. Только теперь появилась возможность показать роль Одессы как главного перевалочного пункта по репатриации из СССР и по приему советских граждан и военнопленных, освобожденных союзниками. В научный оборот были введены богатые информацией документы и материалы ГУПВИ, хранившиеся в тайне десятки лет в Центральном государственном архиве СССР, известном среди узкого круга историков под названием Особого архива [5]. Кроме того, в этих сборниках обнародованы многочисленные приказы, доклады, справки, официальная переписка секретариата НКВД/МВД и Управления по делам репатриации при Совнарком/Совете Министров СССР, составлявшие два обширных фонда Государственного архива РФ.

Эти источники, взятые в совокупности, позволяют ответить на вопрос о том, когда и как в лагерях ГУПВИ появились французы, сколько их там было, чем они занимались и как волею судьбы в конце концов очутились в Одессе. Предыстория вопроса вкратце сводится к следующему: после поражения Франции в 1940 г. и оккупации части ее территории немецкими войсками к Рейху были присоединены исторические земли Эльзаса и Лотарингии, составлявшие три департамента – Верхний Рейн, Нижний Рейн и Мозель. Мужчины призывного возраста, всего 130 тыс., в 1942 г. были насильно мобилизованы в германскую армию. Эти «солдаты поневоле» были отправлены на Восточный фронт и воевали в немецкой форме против СССР. Туда же был отправлен составленный из добровольцев немногочисленный «Легион французских волонтеров против большевизма»; он был разбит под Москвою, а в конце 1944 г. преобразован в гренадерскую дивизию войск СС «Шарлемань» [4, 31; 6].

В конце войны (февраль-апрель 1945 г.) тысячи одетых в немецкие мундиры французов сдались в плен в Восточной Пруссии, Померании и в «Курляндском котле». Правительство генерала де Голля добились того, чтобы в советских лагерях для военнопленных эльзасцев отделили от немцев, создав им, как представителям союзной державы, особые условия, и как можно скорее репатриировали. Официальное соглашение об этом было подписано 29 июня

1945 г., но еще годом ранее из Тамбовского лагеря освободили 1 500 французов. Их, одетых в новенькую красноармейскую форму, отправили через Баку, Тегеран и Хайфу в Алжир, где располагалось Временное правительство Французской Республики [6; 7].

С января 1944 г. все военнопленные, идентифицированные как эльзасцы (французы), стали сосредотачиваться в лагере ГУПВИ № 188 на станции Рада возле Тамбова (в документах он проходит как Радинский, но французы его неизменно звали Тамбовским). В книге «Возвращение из СССР» опубликован документ, составленный по рассказам вернувшихся на родину узников этого лагеря. Его чтение вызывает тяжелое впечатление, даже если что-то там и преувеличено. Составители сборника дали к документу многозначительное примечание: опубликованные позже во Франции воспоминания подтверждают правдивость приведенной информации [4, 165-168].

С 1943 г. в лагерь поступают пленные немцы, итальянцы и французы. Численность последних быстро растет – от 1 800 до 9 тыс. По происхождению это преимущественно эльзасцы, добровольно сдавшиеся в плен. Условия жизни – тяжелые, если не сказать больше. Внутри лагеря, окруженного колючей проволокой в четыре ряда и охраняемого солдатами с сторожевыми собаками, 64 барака, построенные самым примитивным образом. Пол земляной, окон нет, вентиляция плохая, зимой – холодно, в дождь и в оттепель – сыро и грязь, люди простужаются, болеют. Питание скверное – три раза в день баланда из мороженой капусты без жиров или такая же баланда из молотой кукурузы с рыбой, а также каша. Хлеб плохого качества, часто мороженный. Хлеба обычно давали по 600 гр., ослабленным и больным – несколько больше: первым по 750 гр., а вторым – 500 гр. белого хлеба, 20 гр. масла, 60 гр. сахара. С мая 1945 г. сахар стали давать всем. Врачей было мало, младший персонал был из немцев и итальянцев, к обязанностям они относились небрежно. Лекарств не хватало, бинты и вату обслуга воровала. Болезни косили пленных – туберкулез (у 15%), дистрофия, пеллагра, дизентерия, к этому надо добавить насекомых (вши, клопы и тараканы). Зимой 1944-1945 гг. в лагерях умерли до 2 тыс. человек. Автор этой скорбной записки приходит к выводу, что отношение советских властей к пленным французам «недостойно со стороны союзника».

Судьба французских пленников Тамбовского лагеря долгие десятилетия подвергалась замалчиванию по причине ложной политкорректности и нежелания «испортить» советско-французские отношения. Лишь в 1990 г. две организации репатриантов опубликовали сообщение, в котором говорилось о бесчеловечном отношении к французским узникам в СССР и о том, что в братских могилах возле Тамбова захоронено более 10 тыс. погибших в лагере. Почти одновременно в Париже вышла в свет книга Пьера Ригуло «Трагедия солдат поневоле», где приводились многочисленные факты жестокого обращения с французскими пленными [8]. Газета «Известия», опубликовавшая об этом материал своего парижского корреспондента, послала другого журналиста в Тамбов уточнить на месте обвинения репатриантов. Тот нашел бывшего заместителя начальника лагеря, который признал, что узники умирали по 30-40 чел. в сутки, хотя здесь держали оздоровительный режим и питание было лучшим, чем в других лагерях. Корреспонденцию из Тамбова комментировал директор Особого архива; он привел данные из справки МВД

СССР о количестве военнопленных европейских армий, учтенных ГУПВИ за 1941-1945 гг.: французов в плен было взято 23 136, освобождено и репатрировано 21 811, умерло в советских лагерях 1 325 [9]. Эти цифры без всякого анализа позже вошли в сводку статистического исследования, считающегося официальным итогом Второй мировой войны [3, 512]. Между тем любому непредвзятому читателю бросается в глаза явная нестыковка между этими цифрами и словами лагерного начальника («умирали по 30-40 чел. в день»). Получается, что за один месяц умирало почти столько же, сколько за весь срок пребывания пленных в лагере (8-10-12 и более месяцев). Однако и выдвигаемая французскими и некоторыми российскими авторами цифра в 10,5 тыс. погибших также не опирается на достоверную статистику [10]. Встречаются и более невероятные данные: якобы в советских лагерях умерло 25 тыс. французов, а еще 20 тыс. исчезли без вести на территории СССР или на фронте [11].

Кроме Радицкого лагеря под Тамбовом, французские военнопленные, а также гражданские лица, освобожденные из нацистской неволи, размещались и в других местах, в том числе на территории Украины. Так, лагерь в Бердичеве летом 1945 г. насчитывал 5 тыс. военнопленных и 2 300 гражданских лиц, в том числе 550 женщин и 280 детей; в Шепетовке собралось более 4 тыс. французов, а в Староконстантинове – 6 тыс. [4, 221-236]. Множество людей устремили свои взоры на юг, в сторону Одессы, где, как они знали, их ожидали корабли для отправки на родину. Известны случаи массового бегства из Киевского военного округа и из Бердичевского лагеря. Вот одно подобное сообщение: из лагеря в сторону Одессы бежали 21 француз, из них двое интернированных, остальные военнопленные в форме французской армии (один, бельгиец по национальности, одет в красноармейское обмундирование) [4, 214].

Вернемся, впрочем, немного назад и рассмотрим вопрос об организации в Одессе транзитных лагерей. Уже 27 февраля 1945 г. Управление уполномоченного Совнаркома по репатриации сообщило руководству ГУПВИ о том, что в Одессе создан транзитный лагерь для репатриации, куда следует направлять освобожденных из немецкого плена солдат и офицеров английской, американской, канадской и французской армий, которые затем на английских кораблях будут отправлены на родину [4, 212]. К этому времени на Ялтинской конференции глав трех держав было заключено соглашение о взаимной репатриации граждан СССР, США и Великобритании [12]. С французами, как сказано выше, подобный документ был подписан в июне того же года. Отправку военнопленных домой предполагалось осуществить на английских транспортах, которые должны были привезти в Одессу репатрируемых советских граждан. Для них соорудили фильтрационный лагерь, через который, согласно декрету Совнаркома от 24 января 1944 г., обязаны были пройти все советские военнопленные, освобожденные из немецких лагерей [13, 88]. Совнарком УССР 13 января 1945 г. принял решение об организации в Одессе приемочно-распределительного пункта (лагеря) для репатрируемых советских граждан. Он начал свою деятельность в марте в помещениях санатория им. Ленина на Куяльницком лимане с нормативной загрузкой в 1 тыс. чел. К 1 июня через лагерь прошло уже более 3 тыс. репатриантов [14, 1-3]. Это были, как правило, гражданские лица. Что касается вернувшихся из плена

красноармейцев, то ими занимался созданный 20 февраля 1945 г. в системе НКВД отдел проверочно-фильтрационных лагерей. Был такой лагерь и в Одессе, о чем свидетельствует следующий факт: в конце года, когда под угрозой срыва оказалось выполнение плана погрузочно-разгрузочных работ в порту, туда в срочном порядке были направлены 1 тыс. обитателей фильтрационного лагеря из бывших советских военнопленных [16, 48].

Таким образом, к началу 1945 г. в Одессе было создано несколько лагерей разного типа, подчиненных как ГУПВИ НКВД, так и Управлению по делам репатриации при штабе Одесского военного округа. Первому ведомству принадлежал трудовой лагерь № 159 для военнопленных вражеских войск (немцев, итальянцев, румын), нормативной вместимостью 18 100 чел. [2, 211; 4, 106]. По разнарядке сверху этот лагерь должен был ежедневно выделять в качестве рабочей силы в порт 7 800 чел. и еще около 1 тыс. на восстановительные и строительные работы по городу [2, 398, 607]. Незавидная судьба немцев в этом лагере (румыны и итальянцы были освобождены в течение 1945 – начале 1946 гг.) заслуживает особого разговора [см.: 15]. Достаточно привести лишь один весьма примечательный эпизод, извлеченный из местного архива. На партийно-хозяйственном активе, состоявшемся в конце 1945 г., заместитель начальника Одесского порта, жалуясь на плохую работу военнопленных немцев, сказал следующее: «Мы имеем право этих зуавов, которые работают у нас, использовать как угодно и выжать из этих гадов сколько угодно, а они ходят и ничего не делают <...>. Не надо этих зуавов бить, но они обязаны работать, пока не посинеют <...>». Что касается румын, то они вообще перестали выходить на работу, так как готовятся к отправке домой [16, 12-15]. Трагикомичное впечатление производит слово «зуав», взятое из лексикона французской колониальной армии XIX века, по отношению к пленным солдатам вермахта. Характерно, что присутствовавший на собрании представитель обкома партии резонно поправил разбушевавшегося рабовладельца, сказав: главная причина невыполнения планов в порту – плохая организация труда, пренебрежение техникой, привычка решать производственные вопросы нахрапом, окриком, грубой силой.

Архивные документы зафиксировали и явления совершенно иного характера. Политический контроль сообщал в партийные органы тревожные факты: на заводах «Красный сигнал» и Канатном «... женщины-работницы сочувственно относятся к военнопленным немцам и даже снабжают их хлебом» [17, 72]. Нельзя не удивиться этому истинно христианскому милосердию одесситок, живших тогда на скудном продовольственном пайке. Вместе с тем власть предержащие боялись человеческих контактов между советскими рабочими и немцами, не будучи уверенными в том, что «передовая идеология» не потерпит больших потерь. Об этом свидетельствует, например, тревожный сигнал с завода им. Марти, где рабочие общаются с военнопленными, «ведут разговоры и совместную перекурку» [18, 14]. Такое «братание» недавних врагов следовало немедленно прекратить.

Что касается граждан и военнопленных союзных стран, то для их репатриации в Одессе устроили три транзитных лагеря. Для лагерей были освобождены школы и санатории, где в срочном порядке произвели ремонт помещений, их переоборудовали под общежития, кухни и столовые,

обеспечили постельными принадлежностями, посудой и утварью. Местная газета несколько туманно («один из лагерей создан в Одессе», лагерей-то было больше!), зато восторженно сообщала что «... репатриантам созданы благоприятные условия. Военнопленные размещены в лучших зданиях города. Им отведены санатории, общежития, специально отремонтированные в последние дни. Раненым выделен санаторий на 300 коек» [19]. Всего по городу на нужды военного ведомства, главным образом на размещение репатриантов, как выезжавших из СССР иностранцев, так и возвращавшихся советских граждан, было экспроприровано 14 школьных зданий [20, 11 об.]. Несмотря на жалобы местных властей во все инстанции вплоть до ЦК партии, восемь школьных зданий до конца года по-прежнему оставались заняты лагерями [21; 107]. В этих же зданиях, по всей вероятности, размещались и часть возвращавшихся из-за границы советских граждан, поскольку фильтрационный лагерь принимал прежде всего бывших военнопленных.

Опубликованные в Париже документы дают возможность познакомиться ближе с одесскими транзитными лагерями и выделить разные категории находящихся в них французов. В самом центре города, на Соборной площади (ул. Льва Толстого, 2; ныне средняя школа № 121), находился транзитный лагерь № 139, где проживали аристократы, если можно так выразиться. Это были военнопленные «первой волны», сражавшиеся против немцев и взятые ими в плен в 1940 г., немногочисленные партизаны из отрядов Сопротивления, женщины с детьми, освобожденные из немецких лагерей и от трудовой каторги. Лагерь № 138 занимал на Пролетарском бульваре, 4 санаторий НКВД им. Дзержинского, а также помещение 1-ой железнодорожной школы. Он был больше предыдущего по количеству обитателей, но вполне обустроенным. В Люстдорфе, в зданиях санаториев № 3 и № 4 (установить более точно его местонахождение не удалось), располагался самый крупный транзитный лагерь № 186 с теми военнопленными, которые в рядах вермахта сражались на Восточном фронте и сдались Красной Армии к концу войны. По происхождению они почти все были эльзасцами. Остается добавить, что в этих же лагерях ждали репатриации военнопленные других союзных армий: бельгийцы, англичане, американцы, канадцы, голландцы. Всего за первое полугодие 1945 г. в Одессу прибыло 51,8 тыс. (по другим данным – 52,3 тыс.) военнопленных и интернированных союзных стран [2, 892; 4, 252]. Больше всего здесь собралось французов (38,5 тыс.), затем шли бельгийцы (4,5 тыс.), англичане (4,4 тыс.), американцы (3 тыс.), голландцы (1,3 тыс.). Среди французов насчитали 12 тыс. интернированных, из которых 950 женщин и 101 ребенок. В общем итоге, весной 1945 г. в Одессе встретились представители 29 наций; кроме названных выше, там были один австралиец, один испанец, один швед, один албанец, шесть датчан, 14 норвежцев [4, 252]. Короче говоря, собрался целый лагерный интернационал.

Условия жизни обитателей транзитных лагерей инспектировал генерал Келлер, начальник военной миссии по репатриации, посетивший Одессу в середине июня. Описание его визита читается как небольшой роман приключений. Высокий французский гость поселился в лучшей гостинице города «Лондонской», между встречами с советскими должностными лицами и посещением лагерей успел посмотреть в оперном театре «Евгения Онегина» и

«Травиату», высоко оценив мастерство одесских артистов. Затем вместе со всеми обитателями лагеря на Соборке присутствовал на концерте джаз-оркестра Белорусской ССР под руководством Эдди Рознера. Конечно, побывал генерал и во всех транзитных лагерях. От увиденного французский инспектор остался доволен. Среди недостатков отметил скученность в помещениях и грязь во многих комнатах. Советские офицеры, в свою очередь, жаловались на плохое поведение поднадзорных. Французы, даже в лагерях, вели себя по-французски: один из них был задержан охраной, когда пытался в мешке занести на корабль возлюбленную одесситку. Трое других бросились в море, чтобы вплавь попасть на английский транспорт – двух поймали, а третий, видимо, утонул [4, 248-251].

Главный вывод, который делали компетентные лица и в Москве, и в Париже, состоял в том, что сбор французов, пребывающих в лагерях ГУПВИ, и отправка их в транзитные одесские лагеря, идут успешно. Подготовка этих людей к репатриации, как видно из документов, шла полным ходом. Следует, впрочем, иметь в виду, что основным способом эвакуации военнопленных союзных держав, освобожденных Красной Армией, была их передача непосредственно на линии соприкосновения войск. Таким способом было репатрировано более 1 миллиона человек. Что касается французов, то наикратчайшим путем – через линию войск в Германии – отправились домой лишь 16 тыс. [2, 55], остальные ждали английские суда в Одесском порту.

И вот настал долгожданный день: 6 марта 1945 г. местная газета опубликовала информацию под заголовком «На Родину». В ней описывается «радостный митинг», посвященный встрече воинов Красной Армии, освобожденных из фашистского плена и возвратившихся ныне через Англию [22]. Однако кроме привычной пропагандистской трескотни в заметке нет никакой информации. Только из опубликованных ныне документов узнаем, что первый корабль назывался «Дюшес оф Скотланд», что привез он из Каира несколько тысяч советских репатриантов и в обратный рейс увез военнопленных англичан и американцев, а также двух (!) французов. На следующий день в море вышел транспорт «Гамильтон»; кроме англо-американцев, на нем уехали 819 французов, почти все интернированные.

Спустя 10 дней после первой публикации местная газета, наконец, признала, что в Одессе имеется лагерь (надо было писать в множественном числе) для репатриации бывших военнопленных союзных армий. В обширном репортаже говорится о том, какие прекрасные условия созданы для союзников и делается многозначительное признание: «На днях из Одессы отправился третий транспорт с репатриантами» (о двух предыдущих нигде не сообщалось). Затем приводятся интервью с уезжающими французами – бывшими партизанами, пленными, гражданскими лицами, угнанными на каторжные работы в Германию. Их речи полны искренней благодарности освободителям. Вот что сказал лейтенант Жан Делямар: «Мы много слышали раньше о благородстве и радушии русских, но то, что мы увидели в Одессе, то, что испытали на себе после освобождения, превосходит все мыслимое» [19].

Этот лейтенант, как и его счастливые сотоварищи в количестве 2 012 человек, отплыл на английском теплоходе «Дьюк оф Бедфорд». Первые несколько кораблей, которыми отправляли преимущественно англо-

американцев, брали курс на Каир, где имелся большой пересыльный лагерь; остальные же транспорты с французами, бельгийцами и голландцами направлялись в Марсель. На этой линии регулярно плавали крупные транспортные суда: «Арава» (1 600 чел.), «Бергенс Фьорд» (2 150 чел.), «Аскания» (2 000 чел.), «Тамаруа» (1 800 чел.). Всего в Одессу за март-июнь 1945 г., по архивным данным, было совершено 30 пароходо-рейсов. С 7 марта, когда отплыли на родину первые двое французов, и до 1 июля из Одессы морем были отправлены 25 тыс. французских граждан, в том числе 17,7 тыс. военнопленных [4, 252-253].

Большим и незабываемым событием в жизни «одесского Парижа» стало посещение города и лагерей госпожой Клементиной Черчилль, супругой премьер-министра Великобритании. К этому времени она приобрела в Советском Союзе большой авторитет, учредив с началом войны «Фонд помощи России», в обиходе называемом Фондом миссис Черчилль. Им было собрано 8 млн. ф.ст., намного больше других благотворительных фондов. Весной 1945 г. Клементина совершила месячное путешествие по СССР; в Москве была принята Сталиным, награждена советским орденом, посетила Ленинград, затем Ростов, где открыла построенный и оборудованный на английские деньги госпиталь для раненных красноармейцев [23, 302-305].

Уже после отъезда К. Черчилль из Одессы местная газета напечатала сообщение ТАСС, помеченное 3 мая и озаглавленное: «Пребывание г-жи Клементины Черчилль в Одессе». Текст украшала отличная фотография цветущего вида дамы средних лет на фоне здания горсовета на Приморском бульваре. В первый день пребывания в Одессе она посетила военный госпиталь, где разговаривала с лечащимися здесь английскими и французскими военнопленными. Вечер г-жа Черчилль провела в театре и слушала классическую оперу «Наталка-Полтавка». На следующий день, это было 1 мая, она присутствовала на военном параде, затем навестила лагерь английских офицеров и солдат. На третий день она побывала в порту на английском корабле, увозившем английских и французских военнопленных. После этого г-жа Черчилль объехала все три транзитных лагеря и беседовала с французскими, английскими и голландскими офицерами и солдатами [24].

Во второй половине 1945 г. поток репатриантов иссяк, английские корабли перестали заходить в Одесский порт. Освобождение военнопленных тем не менее продолжалось, но уже не союзных, а вражеских армий: вместо французов и англичан в Одессу для эвакуации на родину прибывают румыны и итальянцы. 11 сентября 1945 г. нарком внутренних дел Берия издал приказ об освобождении 40 тыс. военнопленных румын рядового и унтер-офицерского состава; их вывоз следовало произвести до 10 октября через порт Констанца [25]. Перевозка проходила на теплоходах «Трансильвания» и «Бессарабия», самых вместительных в румынском флоте, построенных перед войной в Дании. Оба корабля отличились во время эвакуации из Крыма в апреле-мае 1944 г. огромной массы немецко-румынских войск и гражданского населения. Но уже 8 января 1945 г. на «Бессарабии» был поднят красный флаг, так как корабль перешел к Советскому Союзу в качестве репарации. Позже такая же участь постигла «Трансильванию». Румын освобождали и сухопутным путем; так, из лагеря № 159 в Одессе было освобождено более 3 тыс. румынских

военнопленных и направлено в советский транзитный лагерь в г. Фокшаны [2, 806].

8 января 1946 г. новый нарком внутренних дел Круглов издал приказ, гласивший: «Всех военнопленных чехословаков, югославов, итальянцев, бельгийцев, французов, американцев, англичан из лагерей НКВД освободить и отправить в Люстдорф (близ г. Одессы) в лагерь органов репатриации № 186». Освобождению не подлежали только те, кто служил в преступных организациях нацистов СС, СА, СД и гестапе. Однако для французов было сделано исключение: военнопленные французы, говорилось в приказе, подлежат отправке все без исключения, в том числе и офицеры [22]. Репатриация французов, таким образом, завершается: если за 1945 г. было отправлено на родину 310 тыс. (в том числе 15 871 военнопленных), то за 1946 г. – всего 3 061 (в том числе 2 935 военнопленных) [4, 370-372]. Что касается итальянцев, то через Одессу их было репатриировано 740 чел. [2, 267]. По всей видимости, в начале 1946 г. городские лагеря управления по репатриации № 138 и № 139 свернули свою работу и были закрыты, а тот, что находился в Люстдорфе, продолжал действовать еще несколько лет. Так, в документе начала 1948 г. сообщалось, что в лагерь № 186 прибыли 29 французов, 40 бельгийцев, 18 люксембуржцев и 11 итальянцев [4, 353].

Полному завершению репатриации из СССР всех французских граждан помешало начало «холодной войны». Отношения между СССР и Францией ухудшились после того, как в мае 1947 г. из правительства были выведены коммунисты, и министром по делам бывших фронтовиков, а именно он занимался репатриацией, стал представитель правой партии. В условиях начавшейся «холодной войны» военнопленные и интернированные стали заложниками глобальной конфронтации и разменной монетой в большой политике. В документах советской администрации начинаются игры со статистическими данными, количество репатриированных то растет, то падает; то объявляют о ее полном завершении, то вдруг снова появляются десятки французов. Очевидно, что пленных прятали от французской военной миссии. Не входя в детали, скажем, что последних французов репатриировали из СССР в 1951 г. – 36 чел. и в 1952 г. – 6 чел. [4, 372].

Противоречивы итоговые данные: в одном документе утверждается, что из СССР было репатриировано всего 315,5 тыс. французов, в том числе 21 203 военнопленных и интернированных [4, 335]. Однако в отчете Управления по репатриации говорится, что с 1945 г. по 27 августа 1952 г. было репатриировано 313 368 французов, из них военнопленных и интернированных 19 027 чел. [2, 898]. Если к последней цифре добавить 1 500 чел., отправленных летом 1944 г. из Тамбова в Алжир, то сумма репатриированных пленников возрастет до 20,5 тыс. Что касается числа взятых в плен французов, служивших в немецкой армии, то его обнародовал В.П. Галицкий со ссылкой на статистику ГУПВИ из Особого архива; оно составляет 23 136 чел. [26, 46]. Затем эта цифра, без попытки критического анализа, стала кочевать из публикации в публикацию.

Самой спорной, однако, и до сих пор не решенной остается проблема смертности французов в лагерях; цифры колеблются от 1 325 чел. (по официальным советским данным) до 10,5-25 тыс. (в публикациях некоторых французских авторов). Имеются сведения, что в рядах вермахта нашли смерть

20 тыс. эльзасцев [27, 812]. Если допустить, что в германскую армию было в самом деле мобилизовано 130 тыс. эльзасцев (и несколько тысяч добровольцев из других департаментов) и что около 20 тыс. из них погибли на фронте, 20 тыс. вернулись на родину и примерно 10 тыс. умерли в советских лагерях (в сумме это 50 тыс.), то встает еще один вопрос: а куда подевались остальные 80 тыс. человек? Вряд ли такая масса людей была демобилизована немецким командованием в годы войны (какое-то количество раненных, конечно, вернулись домой). Еще меньше вероятности того, что они погибли за фюрера и III Рейх. Были ли они расстреляны немцами как дезертиры или их поглотил монстр по имени ГУПВИ, младший брат ГУЛАГа?

В самой Франции репатрианты из СССР влились в общую массу тех двух миллионов людей, которые вернулись из плена или трудового рабства в нацистской Германии [28, 222]. Их положение было незавидным: реинтеграция в хозяйственную и общественную жизнь страны, находившейся в состоянии разрухи и глубокого политического кризиса, шла с большим трудом [29]. Память о пережитых страданиях и унижениях в советских лагерях, о тысячах погибших товарищей, привела к тому, что среди возвращенцев из СССР возникли стойкие антисоветские и антикоммунистические настроения. Они, в частности, проявлялись в том, что на выборах в трех департаментах Эльзаса и Лотарингии кандидаты ФКП получали значительно меньше голосов, чем в целом по стране.

Для воспоминаний французов, выживших в лагерях и вернувшихся на родину, их детей и внуков характерным является противопоставление двух городов на пути их возвращения – Тамбова и Одессы. В массовом сознании они выступают антиподами: Тамбов как знак беды, он олицетворяет собой мрак и гибель, горе и страдание, это поистине проклятое место. Одесса же ассоциируется с радостью освобождения, это символ весны и возрождения к новой жизни на родной земле. Однако в Тамбове поставлены памятники как на месте Радинского лагеря, так и на братской могиле; туда постоянно ездят делегации из Франции. В Одессе таким мемориальным местом мог бы стать морской порт с памятной доской о том, что в 1945 г. более 50 тыс. французских граждан отсюда начали свой путь на родину.

Литература

1. Коваленко Ю. Французы в ГУЛАГе // Известия. – 1994. – 1 ноября.
2. Военнопленные в СССР 1939-1956: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. – М., 2000.
3. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 2001.
4. Retours d'URSS. Les prisonniers de guerre et les internes francais dans les archives sovietiques 1945-1951 / Coordonne par C. Klein-Gousseff. – Paris, 2001.
5. Ourso D. Les archives d'histoire coloniale francaise en Russie // Revue francaise d'histoire d'outre-mer. – 1994. - № 300.
6. Ouzounova N. L'incroyable destin des Alsaciens sur le front russe // <http://www.fr.ru/analysis/20080311/101077363.html>

7. Moullec G. Allies ou enemies? Le GUPVI-NKVD, le Komintern et les prisonniers de guerre francais en URSS 1942-1945 // <http://www.casdn.neu.edu/~nkvd/abstracts.html>.
8. Коваленко Ю. Французские узники Тамбовского лагеря // Известия. – 1990. – 22 апреля.
9. Бурбыга Н. Тайна спецлагеря № 188 // Известия. – 1990. – 11 мая.
10. Писарев Е. Слепящая тьма ГУЛАГа // <http://gulag.ipvnews.org/new/article/20080517.php>.
11. Кофман М. ГУЛАГ и Запад в книгах Пьера Ригуло // <http://www.liveinternet.ru/users/1111972/post/17295997>.
12. Земсков В. Репатриация перемещенных советских граждан // http://scepsis.ru/library/id__1234.html.
13. Marie J.J. Le Gulag. – Paris, 1999.
14. ГАОО. – Ф.Р – 2000. – Оп. 3. – Д. 91.
15. Юнгмайстер А.В. Военнопленные и интернированные на Украине и в Одесской обл. // <http://www.sgu.ru/files/nodes/14829/29.pdf>.
16. ГАОО. – Ф.П. – 142. – Оп. 1. – Д. 17.
17. ГАОО. – Ф.П. – 9. – Оп. 3а. – Д. 128.
18. Там же. – Д. 93.
19. Большевистское знамя. – 1945. – 16 марта.
20. ГАОО. – Ф.П. – 11. – Оп. 11. – Д. 404.
21. Там же. – Д. 405.
22. Большевистское знамя. – 1945. – 6 марта.
23. Майский И.М. Воспоминания светского посла. Война 1939-1943. – М., 1965.
24. Большевистское знамя. – 1945. – 5 мая.
25. Веремеев Ю. Долгий русский плен // <http://army.armor.kiev.ua/hist/dolgplen.shtm>.
26. Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941-1945 гг.) // Военно-исторический журнал. – 1990. - № 9.
27. Encyclopaedia Universalis. – Vol. 1. – Paris, 1970.
28. Верт А. Франция 1940-1955. – М., 1959.
29. Cochet F. Aspects et enjeux du retour des prisonniers et deportes dans la Marne // 8 Mai 1945: La victoire en Europe. Actes du Colloque international de Reims. – Bruxelles, 1985.